

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

о разъяснении Решения Конституционного суда
Кыргызской Республики от 3 мая 2023 года в связи с обращением
Жолдошовой Артыгүл Шакирбаевны

11 июня 2025 года

город Бишкек

Конституционный суд Кыргызской Республики в составе: председательствующего - Осмонбаева Э.Ж., судей Айдарбековой Ч.А., Дуйшеева К.А., Жолдошевой Л.Ч., Касымалиева М.Ш., Кыдырбаева К.Дж., Шаршеналиева Ж.А. при секретаре Толобалдиеве М.Э., руководствуясь подпунктом 6 пункта 104, пунктом 110-1 Регламента Конституционного суда Кыргызской Республики, утвержденного постановлением Конституционного суда Кыргызской Республики от 18 февраля 2022 года №2, рассмотрев в судебном заседании обращение Жолдошовой А.Ш.,

УСТАНОВИЛ:

В Конституционный суд Кыргызской Республики 28 января 2025 года поступило обращение Жолдошовой А.Ш. о разъяснении Решения Конституционного суда от 3 мая 2023 года по делу о проверке

конституционности абзаца второй части 1 статьи 9 Закона Кыргызской Республики «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих и военнообязанных, призванных на учебные и специальные сборы, и приравненных к ним лиц», пункта 2 части 2 статьи 373 Гражданского процессуального кодекса Кыргызской Республики, пункта 2 части 2 статьи 268 Административно-процессуального кодекса Кыргызской Республики (далее – Решение Конституционного суда от 3 мая 2023 года) ввиду возникших проблем при его правоприменении.

Как следует из обращения заявителя и приложенных к нему материалов, в 2000 году гражданка Бакирова А.А. и члены ее семьи Абдылдаев Т.Т., Абдылдаев М.Т., Абдылдаева С.Т., Абдылдаева С.Т. получили у Кенжебаева Т.А., супруга Жолдошевой А.Ш. заемные средства в размере 2400 долларов США сроком на 6 месяцев, с ежемесячной выплатой начисленных процентов в сумме 250 долларов США, о чем был заключен договор. Залоговым обеспечением по указанному займу выступал жилой дом, принадлежащий на праве частной собственности заемщикам.

В 2001 году, в связи с неисполнением заемщиками условий договора Кенжебаев Т.А. обратился в суд с иском о взыскании долга. Решением Ленинского районного суда от 5 декабря 2001 года иск был удовлетворен, и с ответчиков солидарно взыскана сумма задолженности в размере 133 629 сомов. Впоследствии взыскание указанной суммы было обращено на заложенное имущество — жилой дом, который был выставлен на публичные торги. Поскольку имущество не было реализовано на торгах, в 2002 году оно было передано протоколом Подразделения службы судебных исполнителей (далее — ПССИ) Кенжебаеву Т.А. в счет погашения долга.

Не согласившись с этим, в 2008 году ответчики подали в суд исковое заявление о признании недействительным вышеотмеченного протокола ПССИ, иск был удовлетворен судом.

С учетом изложенного и факта неисполнения ответчиками решения Ленинского районного суда с 2001 года в добровольном порядке, Кенжебаев

Т.А. подал заявление в суд об индексации присужденной суммы в связи с течением времени и инфляционными изменениями. В рамках этого дела, в 2008 году судом была назначена судебно-бухгалтерская экспертиза, согласно которой эксперт заключил, что денежная сумма в размере 133 629 сом в результате индексации составила 2 813 640 сомов. Определением суда указанная сумма была взыскана с ответчиков. Апелляционным судом отмеченное определение было оставлено в силе. Однако Верховным судом Кыргызской Республики указанные акты были отменены в 2009 году.

В связи с этим Кенжебаев Т.А. в 2011 году вновь обратился в суд с заявлением о проведении индексации присужденных ему денежных сумм. По делу была назначена и проведена повторная судебно-бухгалтерская экспертиза. Согласно заключению эксперта Чынгышева К.К. от 3 октября 2011 года, сумма в размере 133 629 сомов, присужденная в 2001 году, с учетом индексации за период до 2011 года составила 3 000 867 сомов. Также, решением суда указанная сумма взыскана с ответчиков, апелляционным судом оно оставлено в силе. При этом Верховный суд отменил это решение о взыскании указанной суммы и направил на новое рассмотрение. Ввиду чего в 2013 году была назначена очередная экспертиза, которую вновь провел эксперт Чынгышев К.К. Однако он в заключении от 2 ноября 2013 года, в противоречии предыдущему своему выводу, указал, что сумма индексации составляет 303 992 сома.

В последующем по заявлению Кенжебаева Т.А. была проведена еще одна экспертиза, где экспертом Дуйшеналиевым Э. установлена сумма индексации в размере 149 089,87 сомов, которая решением Ленинского районного суда от 23 марта 2016 года была взыскана с ответчиков. Однако постановлением Верховного суда данное решение также было отменено и направлено на новое рассмотрение.

При новом рассмотрении вновь назначена бухгалтерская экспертиза, согласно которой эксперт Молдосанов Н.Ж. 14 мая 2019 года в своем заключении указал, что денежная сумма в результате индексации составила

159 285 сомов. Эта сумма определением Ленинского районного суда от 21 мая 2019 года взыскана в пользу Кенжебаева Т.А.

Не согласившись с заключением судебно-бухгалтерской экспертизы, Кенжебаев Т.А. обратился в правоохранительные органы с заявлением о привлечении к ответственности экспертов Чынгышева К.К. и Молдосанова Н.Ж. за дачу заведомо ложных заключений. По данным фактам, правоохранительными органами в отношении указанных экспертов были возбуждены уголовные дела.

В рамках расследуемых уголовных дел была назначена комиссия судебно-бухгалтерская экспертиза, согласно заключению которой, денежная сумма в размере 133 629 сом, образованная в период с 2001 по 2011 года в результате индексации, составила 10 752 056 сом. Однако, постановлениями следователя уголовные дела в отношении указанных экспертов были прекращены в связи с истечением сроков давности уголовного преследования.

Учитывая, что отмеченные постановления следователя о прекращении уголовного дела вынесены по нереабилитирующим основаниям, Кенжебаев Т.А. обратился в суд в порядке гражданского судопроизводства с заявлением о пересмотре определения Ленинского районного суда от 21 мая 2019 года по вновь открывшимся обстоятельствам.

Однако, как отмечено в обращении, суд в пересмотре отказал, сославшись на Решение Конституционного суда от 3 мая 2023 года, которым пункт 2 части 2 статьи 373 Гражданско-процессуального кодекса Кыргызской Республики (далее-ГПК) был признан противоречащим Конституции в части, содержащей слова «прокурора, следователя». В связи с этим и руководствуясь частью 2 статьи 15 ГПК, суд указал, что он не вправе применять нормы, признанные противоречащими Конституции, что исключило возможность использования постановления следователя о прекращении уголовного дела в качестве основания для возобновления дела

по вновь открывшимся обстоятельствам, поскольку таким основанием может быть только судебный акт.

Одновременно, как отмечает заявитель, в рамках уголовного дела им были обжалованы постановления о прекращении уголовных дел в отношении экспертов Чынгышева К.К. и Молдосанова Н.Ж., вынесенные следователем. Жалобы заявителя были отклонены определениями следственного судьи, однако впоследствии апелляционная инстанция удовлетворила эти жалобы, признав постановления следователя незаконными и необоснованными.

После этого прокуратурой уголовные дела были возвращены на дополнительное расследование, но 4 сентября 2024 года они были вновь прекращены в связи с истечением сроков давности. Повторные жалобы заявителя на данные действия также были оставлены без удовлетворения определением следственного судьи от 16 сентября 2024 года.

Заявитель поясняет, что их требования о передаче уголовных дел в суд не были удовлетворены, поскольку следственные органы и прокуратура ссылаются на невозможность игнорировать действующие императивные нормы УПК до внесения изменений в законодательство во исполнение Решения Конституционного суда от 3 мая 2023 года. В частности, в пункте 12 части 1 статьи 27 УПК прямо указано, что уголовное дело подлежит прекращению по истечении сроков давности, если обвиняемый не возражает против прекращения дела. В данном случае, как отмечает заявитель, эксперты Чынгышев К.К. и Молдосанов Н.Ж. не возражали против прекращения дел, а Решение Конституционного суда от 3 мая 2023 года, касающееся применения данной нормы, до настоящего времени не реализовано. В связи с этим, по мнению следственных органов и прокуратуры, правовые основания для передачи уголовных дел в суд отсутствовали.

В то же время, учитывая наличие акта следственного судьи от 16 сентября 2024 года, подтвердившего законность постановления следователя, заявители в порядке гражданского судопроизводства повторно обратились с

заявлением о пересмотре определения Ленинского районного суда от 21 мая 2019 года по вновь открывшимся обстоятельствам.

В этой связи Жолдошева А.Ш. во избежание возможного очередного отказа, учитывая сложившуюся ситуацию и возникшие проблемы в правоприменении, просит дать разъяснение Решения Конституционного суда от 3 мая 2023 года.

Заявитель, в частности, поднимает вопрос о допустимости рассмотрения судебного акта следственного судьи, вынесенного в рамках досудебного производства по жалобе на постановление следователя о прекращении уголовного дела, в качестве основания, предусмотренного пунктом 2 части 2 статьи 373 ГПК, то есть, как основания для пересмотра дела по вновь открывшимся обстоятельствам.

Кроме того, заявитель указывает на существующее, по ее мнению, различие в правоприменении отмеченного выше Решения Конституционного суда. Иначе говоря, в то время как суды руководствуются данным Решением до внесения соответствующих изменений в законодательство, органы прокуратуры и следствия продолжают применять действующие нормы УПК. Такая правовая неопределенность, как утверждает заявитель, создает тупиковую ситуацию, препятствующую защите ее прав.

Также, как указывается в обращении, заявитель ставит вопрос о том, кто несет ответственность за несвоевременное исполнение решений Конституционного суда, что, по ее мнению, приводит к ограничению конституционных прав, в частности - права на судебную защиту. Подобные пробелы в правовом регулировании, как указывает заявитель, влекут за собой существенные материальные и эмоциональные затраты, негативно влияющие на здоровье и общее состояние потерпевших.

Конституционный суд, обсудив обращение Жолдошовой А.Ш., исследовав материалы дела, пришел к следующим выводам.

1. В своем Решении от 3 мая 2023 года Конституционный суд рассмотрел три отдельных обращения, касающихся различных норм

законодательства, в рамках одного объединенного производства. Предметом рассмотрения стали абзац второй части 1 статьи 9 Закона «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих и военнообязанных, призванных на учебные и специальные сборы, и приравненных к ним лиц», пункт 2 части 2 статьи 373 ГПК и пункт 2 части 2 статьи 268 Административно-процессуального кодекса Кыргызской Республики.

Так, оспариваемые нормы касались условий освобождения страховщика от выплаты страховой суммы по обязательному государственному страхованию в случае, если страховой случай наступил вследствие совершения застрахованным лицом деяния, признанного общественно опасным во внесудебном порядке; возможности пересмотра вступивших в законную силу судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам на основании актов прокурора или следователя, содержащих сведения о заведомо ложных показаниях, заключениях эксперта или подложности доказательств; а также ограничения пересмотра судебных актов в административном судопроизводстве исключительно на основании вступившего в законную силу приговора суда.

Объединение указанных обращений в одно конституционное судопроизводство было обусловлено тем, что в основе всех трех обращений лежит конституционно-правовое значение содержания, действия и влияния презумпции невиновности на взаимосвязанные правовые ситуации, требующие юридического разрешения.

Но, несмотря на это, каждое из отмеченных нормативных положений рассматривалось Конституционным судом отдельно — с учетом самостоятельного правового предмета, различий в сфере регулирования и характера затрагиваемых правоотношений. По результатам рассмотрения по каждому из обращений были сформулированы отдельные выводы, отражающие специфику соответствующих нормативных положений,

подлежащих приведению в соответствие с Конституцией в установленном законодательством порядке.

Однако Решение Конституционного суда от 3 мая 2023 года до настоящего времени не реализовано. Отсутствие надлежащих изменений в действующем законодательстве породило правовую неопределенность и вызвало затруднения в его практическом применении.

Как показал анализ поступившего в Конституционный суд обращения, указанная неопределенность повлекла различное понимание и толкование положений Решения судами, органами прокуратуры и другими правоприменителями. Это негативно сказалось на правоприменительной практике и непосредственно отразилось на правах и законных интересах граждан, вызвав затруднения при рассмотрении конкретных дел, в том числе дела, приведенного заявителем в обращении.

Так, Жолдошева А.Ш., не являвшаяся стороной по делу, по которому было вынесено Решение Конституционного суда от 3 мая 2023 года, оказалась в аналогичной правовой ситуации. В рамках рассмотрения ее гражданского дела возник вопрос о допустимости пересмотра судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам на основании процессуального документа следователя, содержащего сведения о заведомо ложном заключении эксперта. Разночтения в правовом понимании и применении положений Решения Конституционного суда оказали прямое влияние на ход рассмотрения ее дела.

В соответствии с пунктом 110-1 главы 11 Регламента, утвержденного постановлением Конституционного суда от 18 февраля 2022 года № 2-П, решения Конституционного суда могут быть официально разъяснены самим судом в случае возникновения проблем в правоприменении.

С учетом выявленных коллизий, затрагивающих реализацию конституционного права на судебную защиту, а также отсутствия единого понимания и применения положений Решения Конституционного суда от 3 мая 2023 года со стороны правоприменительных и законотворческих

органов, что, в том числе, затруднило выработку необходимых изменений в законодательство, Конституционный суд считает обоснованным дать официальное разъяснение отдельных правовых позиций, направленное на устранение сложившейся неопределенности и обеспечение единообразного подхода при их применении.

2. В этой связи Конституционный суд считает целесообразным обратить внимание на основные выводы, содержащиеся в указанном Решении, которые имеют определяющее значение для понимания его правовой природы и правильного применения.

Прежде всего, в Решении акцент сделан на том, что установление виновности лица в совершении преступления отнесено исключительно к компетенции суда. Как указано в правовой позиции Конституционного суда, в силу своего высокого предназначения суд является носителем особой власти и единственным органом, который правомочен от имени государства прийти к вердикту о виновности лица в совершении преступления, закрепив его вступившим в законную силу приговором. Эта функция ни при каких обстоятельствах не может быть возложена на какой-либо иной государственный орган.

Следует подчеркнуть, что в центре данной правовой позиции находится запрет на установление виновности лица в совершении преступления на основании внесудебных актов (постановление следователя и прокурора), поскольку именно такой подход нарушает требования правовой определенности и принцип презумпции невиновности. Как следствие, любые юридически значимые последствия, включая возникновение или прекращение материальных прав и обязанностей, допустимы лишь при условии, что факт виновности установлен вступившим в законную силу приговором суда.

Указанный вывод получил конкретное развитие в контексте конституционно-правовой оценки положений абзаца второй части 1 статьи 9 Закона «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья

военнослужащих и военнообязанных, призванных на учебные и специальные сборы, и приравненных к ним лиц». Конституционный суд признал недопустимым освобождение страховщика от выплаты страховой суммы по обязательному государственному страхованию в случае, если общественная опасность деяния застрахованного лица установлена не вступившим в силу приговором суда, а на основании внесудебных актов следователя или прокурора, либо в связи с совершением деяния по неосторожности. Такой подход противоречит конституционному принципу презумпции невиновности и создает правовую неопределенность, нарушая требования частей 1 и 2 статьи 57 Конституции.

Аналогичная правовая позиция применима и к вопросу пересмотра судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам, в части недопустимости использования внесудебных актов как оснований для возобновления производства по делу. Конституционный суд подчеркнул, что основания, предусмотренные пунктом 2 части 2 статьи 373 ГПК, могут реализовываться только при наличии судебного акта, обладающего преюдициальной силой. Решения органов предварительного расследования (следователя, прокурора) не могут по своей правовой природе обладать такой силой, тем самым выводы следователя и прокурора относительно виновности лица, в отношении которого закончено следствие, не имеют обязательной силы для суда.

Преюдиция, как отмечено в Решении Конституционного суда от 3 мая 2023 года, означает, что установленные судом факты обязательны для других видов судопроизводств и не подлежат повторной оценке. Такая правовая конструкция обеспечивает правовую определенность и устойчивость судебной практики, возможно только на основании судебного акта, прошедшего полноценную правовую процедуру рассмотрения в установленном законом порядке. Соответственно, внесудебные акты, в том числе постановления о прекращении дела по нереабилитирующим

основаниям, не могут быть источником преюдициально установленных фактов и не подменяют собой судебное решение.

Таким образом, изложенные в указанном Решении правовые позиции однозначно разграничивают юридическую природу судебных актов и актов органов уголовного преследования. Конституционный суд последовательно указывает, что исключительно вступивший в законную силу судебный акт обладает свойствами неопровержимости, исключительности, обязательности, преюдициальности, исполнимости и неизменности. Эти свойства обеспечивают правовую определенность и устойчивость судебной практики и могут быть источником юридических последствий лишь при условии, что факт установлен в рамках надлежащей судебной процедуры.

Следовательно, применение положений пункта 2 части 2 статьи 373 ГПК предполагает наличие судебного акта, прошедшего процедуру всестороннего, полного и объективного рассмотрения, который в силу своей природы может быть признан обладающим преюдициальной силой. Использование иных, не обладающих таким статусом документов, влечет риск произвольного вмешательства в сферу судебной власти и подрывает доверие к правосудию как гаранту принципов правового государства, защиты прав и свобод человека и гражданина.

3. Учитывая изложенное Конституционный суд пришел к выводу о том, что в уголовно-правовом законодательстве необходимо предусмотреть правовые механизмы, которые будут содержать запрет на прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, а также возможность возобновления уже прекращенного дела по инициативе заинтересованных лиц в придании преюдициальности юридическим фактам, содержащимся в деле.

Из сформулированной правовой позиции следует, что прекращение уголовного дела за истечением срока давности уголовного преследования недопустимо в тех случаях, когда расследуются деяния, связанные с дачей заведомо ложных показаний свидетелем или специалистом, представлением

заведомо ложного заключения эксперта, осуществлением заведомо неправильного перевода, а также подлогом документов или вещественных доказательств, — если такие действия повлекли вынесение незаконного или необоснованного судебного акта в ином судопроизводстве.

В связи с этим следователь, прокурор и суд не вправе прекращать уголовное дело по указанным категориям дел на основании истечения срока давности. Такие дела подлежат доведению до судебного разбирательства по существу с вынесением приговора, который может иметь преюдициальное значение для других судопроизводств.

Вместе с тем, в случаях, когда для разрешения вопроса о выплате либо отказе в выплате страховой суммы по законодательству об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих и военнообязанных необходимо установить, что страховой случай наступил вследствие совершения застрахованным лицом деяния, признанного в установленном порядке общественно опасным, — такое установление может быть осуществлено исключительно на основании вступившего в законную силу приговора суда. Соответственно, органы предварительного расследования обязаны направить уголовное дело в суд для его рассмотрения по существу, даже в случае смерти застрахованного лица.

Однако, если, несмотря на установленный запрет, уголовное дело по указанным выше основаниям было прекращено в силу различных причин, оно подлежит возобновлению по мотивированному заявлению лица, заинтересованного в доведении дела до судебного рассмотрения по существу и постановлении судебного приговора. В заявлении должны быть приведены обоснования и подтверждения того, что наличие судебного приговора необходимо для разрешения иного дела в другом судопроизводстве, а также указана существенная взаимосвязь между ними.

При этом, в зависимости от стадии, на которой было прекращено уголовное дело, заявление подается в орган или суд, принявший соответствующее решение. В случае, если законность прекращения дела

была подтверждена судебным актом следственного судьи, заявление подается в суд в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством.

4. Относительно вопроса заявителя - может ли судебный акт следственного судьи, вынесенный по жалобе о проверке законности и обоснованности постановления следователя о прекращении уголовного дела в досудебном производстве, рассматриваться в качестве основания, предусмотренного пунктом 2 части 2 статьи 373 ГПК, то есть служить основанием для возобновления дела по вновь открывшимся обстоятельствам, Конституционный суд отмечает следующее.

В своем Решении от 14 июня 2023 года орган конституционного контроля указал, что судебная власть, реализуемая как через отправление правосудия, так и посредством судебного контроля, выражается в форме судебного акта, который с момента вступления в законную силу приобретает свойства неопровержимости, исключительности, обязательности, преюдициальности, исполнимости и остается неизменным. Одним из проявлений законной силы судебного решения является его преюдициальность в отношении установленных им обстоятельств и осуществленной правовой оценки, что направлено на обеспечение его общеобязательности, преемственности и правовой стабильности.

Вместе с тем, в ряде других решений Конституционный суд раскрывал особенности судебных актов, выносимых следственным судьей. Такие акты, принимаемые в порядке осуществления судебного контроля, не направлены на установление виновности или невиновности лица, в отношении которого было прекращено уголовное дело. Их основной задачей является исключительно проверка законности и обоснованности действий или решений следователя в досудебном производстве, без рассмотрения вопроса по существу обвинения (решения от 17 февраля 2021 года, 21 сентября 2021 года, 15 июня 2022 года).

Это означает, что юридические свойства каждого судебного акта зависят от его содержания и процессуального значения. Не каждый судебный акт обладает преюдициальной силой в смысле, необходимом для пересмотра дела по вновь открывшимся обстоятельствам.

В связи с чем Конституционный суд подчеркивает, что основания для пересмотра судебных решений по вновь открывшимся обстоятельствам предполагают наличие судебного акта, вынесенного в рамках разбирательства по существу дела. В то время как акт следственного судьи лишь констатирует процессуальные аспекты законности дела, включая его прекращения, он не разрешает спор о праве, не содержит выводов о фактических обстоятельствах, подлежащих обязательному принятию другим судом, и не формирует правовую определенность в смысле приговора или иного судебного решения по существу.

Таким образом, Конституционный суд приходит к выводу, что судебный акт следственного судьи, вынесенный в рамках досудебного производства, не обладает преюдициальной силой в необходимом объеме и, следовательно, не может быть признан надлежащим основанием для пересмотра судебного решения по вновь открывшимся обстоятельствам, предусмотренным пунктом 2 части 2 статьи 373 ГПК.

5. Конституционный суд, выступая единственным органом, уполномоченным на выявление подлинного смысла норм Конституции посредством их правовой интерпретации, в своих решениях последовательно раскрывает суть и природу того или иного правового регулирования. Выявляя конституционный смысл норм материального и процессуального права, устраняя неопределенность в их понимании, Конституционный суд формирует единство правового пространства и обеспечивает верховенство Конституции в правотворчестве и правоприменении.

Ключевым индикатором состояния конституционной законности в стране является качество правоприменения. Применение неконституционных нормативных правовых актов, игнорирование Конституции и решений

органа конституционного контроля нарушает конституционный правопорядок, подрывает гарантии правового и справедливого общества, лишает человека действенной защиты его прав и свобод. Именно поэтому первостепенное значение имеет соблюдение в ходе правоприменения конституционных требований во всей их полноте, включая точное следование правовым позициям Конституционного суда, а также выполнение иных установок, содержащихся в его решениях, обращенных к правоприменителю.

Положения о правах и свободах человека и гражданина, содержащиеся в Конституции, а также учредительные, регулятивные, охранительные и иные конституционные установления обретают в актах Конституционного суда детальную конкретизацию и ясность с точки зрения изначального их замысла, заложенного в Основном Законе. Благодаря этому решения органа конституционного контроля становятся ориентиром для законодателя и правоприменителей, направляя их деятельность на достижение целей, основанных на конституционных ценностях и принципах.

В этой связи осуществление конституционного правосудия занимает особое место среди функций государственных институтов, поскольку именно оно придает государственной власти конституционно-выверенный, системный, правовой и предсказуемый характер. Такая реализация функции конституционного контроля осуществляется, прежде всего, через признание неконституционными нормативных правовых актов, что обеспечивает прямое действие Конституции и устранение правовых норм, противоречащих ее положениям (решения от 15 января 2014 года, 24 сентября 2014 года, 30 ноября 2022 года, 18 января 2023 года, 19 апреля 2023 года).

Подобное юридическое последствие означает, что признанные неконституционными нормы утрачивают свою юридическую силу на всей территории Кыргызской Республики с момента вынесения Конституционным судом соответствующего решения. Иными словами, такие решения обладают высшей юридической силой, соизмеримой с юридической силой самой

Конституции, поскольку принимаются от ее имени и направлены на обеспечение ее верховенства в правовой системе страны. Они подлежат обязательному и неукоснительному исполнению всеми субъектами права — судами, органами дознания и следствия, прокуратурой, адвокатурой и иными государственными органами — вне зависимости от того, внесены ли соответствующие изменения в действующее законодательство. Любое отступление от правовых позиций Конституционного суда либо их альтернативное толкование недопустимы.

Эти правовые позиции выполняют функцию устранения пробелов, неопределенностей и коллизий в нормативном регулировании, а также направлены на преодоление ошибок и отклонений в правоприменительной практике. Точнее, они подлежат прямому применению как нормы действующего права.

Так, в соответствии со статьей 97 Конституции и частью 3 статьи 52 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», установление Конституционным судом неконституционности законов и иных нормативных правовых актов или их положений отменяет их действие на территории Кыргызской Республики, а также отменяет действие других нормативных правовых актов, основанных на законах или их положениях, признанных неконституционным. До приведения их в соответствие или отмены непосредственно применяются Конституция и решения Конституционного суда.

Следовательно, отсутствие формального внесения изменений в УПК, ГПК не освобождает правоприменителей от обязанности строго следовать правовым позициям Конституционного суда, изложенным в его Решении от 3 мая 2023 года. Игнорирование таких позиций нарушает принцип единообразия правоприменительной практики, подрывает доверие к правосудию и нарушает принцип верховенства и прямого действия Конституции.

Таким образом, правовые позиции, выраженные Конституционным судом Кыргызской Республики в Решении от 3 мая 2023 года, представляют собой не только юридически обязательные установки для правоприменительной практики, но и системообразующий фактор укрепления конституционного правопорядка.

Следует особо подчеркнуть, что правовые позиции Конституционного суда не ограничиваются исключительно рамками конкретного дела, по которому принято решение. Их действие распространяется не только на те обстоятельства и юридические коллизии, которые легли в основу соответствующего обращения, но и на все аналогичные по существу правоотношения, независимо от времени их возникновения и круга участников. Такая природа правовых позиций обусловлена публично-правовым характером конституционного судопроизводства и особым местом Конституционного суда в системе органов государственной власти.

Именно благодаря такой универсальной юридической природе правовых позиций, Конституционный суд обеспечивает стабильность и предсказуемость правовой системы, устраняет фрагментарность в понимании конституционных норм и формирует целостную доктрину их применения. Тем самым достигается не только защита конкретных прав и свобод, но и утверждение общего стандарта конституционного правопорядка, обязательного для всех субъектов правоприменения.

На основании вышеизложенного, руководствуясь статьями 38, 48, 49, частью 1 статьи 52 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», подпунктом 6 пункта 104, пунктом 110-1 Регламента Конституционного суда Кыргызской Республики, Конституционный суд Кыргызской Республики

ПОСТАНОВИЛ:

1. Разъяснить, что Решение Конституционного суда Кыргызской Республики от 3 мая 2023 года подлежит обязательному и непосредственному (прямому) применению в качестве источника действующего права.

2. Не подлежат применению нормы уголовно-процессуального законодательства, допускающие прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, а прекращенное дело подлежит возобновлению, если его итоги имеют юридическое значение для другого дела в ином судопроизводстве, в том числе в качестве основания для пересмотра дела по вновь открывшимся обстоятельствам.

3. Настоящее Постановление, как содержащее официальное разъяснение Решения Конституционного суда от 3 мая 2023 года, с момента подписания становится неотъемлемой его частью.

4. Постановление окончательное, обжалованию не подлежит, обязательно для всех государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц, юридических и физических лиц, подлежит исполнению на всей территории республики.

5. Опубликовать настоящее Постановление в официальных изданиях органов государственной власти, на официальном сайте Конституционного суда Кыргызской Республики и в «Вестнике Конституционного суда Кыргызской Республики».

**КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

№ _____